

Количество духовных корней должно быть как можно меньше — это азбука самосовершенствования, поэтому обладатели одиночных и двойных корней всегда становятся объектом всеобщей зависти.

Особенно усердствовал мальчишка, стоявший в самом конце очереди прямо за ней. Он завидовал так сильно, что, казалось, вот-вот позеленеет от желчи, и всё бормотал под нос:

— Хоть бы у меня был одиночный корень, ну или хотя бы двойной... Предки, смилуйтесь...

Цинь Чжаочжао была спокойна. Она прекрасно знала, какие у неё корни, поэтому никаких иллюзий не питала.

Когда подошла её очередь, она уверенно шагнула на платформу для измерения духовной силы и прижала ладонь к магическому шару. На зеркале проявления, стоявшем напротив, внезапно вспыхнуло яростное пламя, заполнив всю его поверхность. Вслед за огнём промелькнул тонкий зелёный росток, а затем... а затем всё стихло. Она моргнула, недоумённо размышляя: куда же делся её золотой корень?

Ученик, объявлявший результаты, на мгновение оторопел. Он ещё никогда не видел, чтобы двойной корень давал столь мощную проекцию. Обычно у других учеников изображение появлялось лишь в центре зеркала, а у этой девочки оно заполнило всё пространство. Это было поистине удивительно.

Распорядитель, выдавший на своём веку немало чудес, слегка кашлянул. Ученик тут же пришёл в себя и громко провозгласил:

— Цинь Чжаочжао, двойной огненно-древесный корень.

Цинь Чжаочжао не обратила внимания на завистливые взгляды окружающих. Она просто спустилась вниз и, внешне небрежно, а внутренне пребывая в полном замешательстве, встала в конец очереди тех, у кого обнаружили способности.

Она тихо размышляла над одним вопросом: куда пропал её золотой корень? Она отчётливо помнила, что в оригинале романа у Цинь Чжаочжао был трёхстихийный корень: золото, дерево и огонь. А теперь остался только двойной. Странно, очень странно.

Впрочем, разгадать эту загадку с ходу не удалось, и она решила отложить её на потом. Вскоре последний претендент взошёл на платформу, и ученик объявил:

— Сунь Цзяси, двойной водно-земляной корень.

На этом торжественная церемония принятия учеников в секту Цинъюань, проводимая раз в пятьдесят лет, завершилась. Из десятков тысяч претендентов отобрали тысячу, из тысячи лишь у пятисот нашлись духовные корни, а из этих пятисот — всего один с одиночным корнем и пятеро с двойными. Легко понять, что талант — вещь редкая, как иголка в стоге сена, удача,

выпадающая раз на миллион.

Дети, у которых не обнаружилось корней, потянулись к выходу. Кто-то уходил с неохотой, кто-то рыдал навзрыд. В конце концов, они были всего лишь детьми, для которых всё происходящее казалось ярким сном, пришло время проснуться.

Распорядитель повёл оставшихся вглубь секты. На широкой площадке у самого входа он начал распределять учеников:

— Обладатели одиночных и двойных корней — сразу во внутренний двор. Трёхстихийные и четырёхстихийные — во внешний. Пятистихийные и те, у кого корни смешанные — в слуги. Если кто-то не согласен, можете уходить прямо сейчас.

После этого объявления никто не сдвинулся с места. Впрочем, это было ожидаемо: возможность ступить на путь бессмертных — уже огромная удача, кто же добровольно от неё откажется?

Когда всё было оглашено, дети послушно выстроились в три колонны. Ученик с круглым лицом повёл трёхстихийных и четырёхстихийных во внешний двор, а ученик с квадратным лицом забрал пятистихийных и слуг.

Оставшуюся шестёрку, включая Цинь Чжаочжао, распорядитель лично повёл на встречу с главой секты и мастерами пиков. Это называли шансом на миллион.

Ли Шо вчера вкратце упоминал об этом: из-за того, что одарённых учеников крайне мало — секту открывают лишь раз в полвека, — чтобы таланты не зачахли во внутреннем дворе без должного присмотра, всех, у кого выдающиеся способности, ведут на поклон к главам пиков и самому главе секты.

Это был процесс взаимного выбора: ученик мог выбрать наставника, а наставник — ученика. Только при обоюдном согласии совершался обряд посвящения.

Тогда она наивно спросила:

— А если пара не сложится, придётся пробиваться во внутреннем дворе в одиночку?

Ли Шо беспомощно улыбнулся, потрепал её по голове и ответил серьёзно и строго:

— Чжаочжао, в мире совершенствования наличие наставника и его отсутствие — это две большие разницы. Секта огромна, и возможности одного человека ограничены. Наставник — это твоя опора, понимаешь? Если у тебя есть талант, обязательно выбери хорошего учителя, запомнила?

Теперь, когда выбор был за ней, она чувствовала себя растерянно. Она никого из этих великих мастеров не знала, выбирать было не из чего. Да и пусть, пусть кто-нибудь сам её выберет, —

решила она, махнув на всё рукой, и зашагала следом за группой.

По пути распорядитель рассказывал о пиках. Секта Цинъюань расположилась в горах Хэньюань, в ней было семь главных пиков, каждый из которых специализировался на своём направлении.

В общих чертах: Первый пик — мечники, пик Цзяньмин, мастер Чу Сюмин. Второй пик — физическое совершенствование, пик Паньъянь, мастер Тай Юэ. Третий пик — талисманы, пик Цифу, мастер Фу Вэйсяо. Четвёртый пик — алхимия, пик Данъюнь, мастер Яо Уянь.

Разумеется, были ещё: пятый пик — артефакторы, пик Цицзя, мастер Ци Цзюнь. Шестой пик — укротители зверей, пик Байшоу, мастер Бай Пяожань. Седьмой пик — музыка, пик Чанлэ, мастер Наньгун Сяосяо. Все мастера пиков были великими практиками стадии Зарождения Души.

Глава секты Юань Е обитал на пике Хэнцин. Это не был специализированный пик, но глава тоже мог брать учеников. К тому же он был мастером талисманов и формаций, и стать его учеником означало с большой вероятностью занять пост следующего главы.

Впрочем, Цинь Чжаочжао это несколько не интересовало. К административной работе она не питала ни малейшего желания, да и талисманами заниматься не собиралась.

Распорядитель призвал журавля и доставил их к величественному дворцу. По его словам, это был дворец Хэнцин — главное здание секты Цинъюань.

Остальные дети смотрели на него с благоговением, и только она, оглядевшись по сторонам, сделала вывод: должно быть, стоит немалых денег.

Во дворце восседали глава секты и мастера пиков. Шестёрка новичков не смела даже поднять глаз, застыв в благоговейной тишине. Распорядитель сделал шаг вперёд, поклонился и доложил:

— Докладываю главе, в этот раз у нас один ученик с одиночным корнем и пять с двойными...

— Знаю, я в курсе ситуации, — прервал его Юань Е, не проявляя особого интереса. — Хватит болтать, вы все, кончайте притворяться, разбирайте учеников, вы же и так всё поняли.

Как только он закончил, во дворце поднялся шум, в точности как на овощном рынке. Великие мастера стадии Зарождения Души спорили, а дети внизу стояли тише воды, ниже травы.

Глава секты спохватился и пробормотал:

— Ой... забыл спросить, чего хотят эти мелюзги...

Шум мгновенно стих. Мастера пиков, казалось, только сейчас вспомнили об этом формальном правиле, на которое им было, в сущности, наплевать.

Цинь Чжаочжао услышала это и лишь промолчала. Впрочем, всё было понятно: если мастер Зарождения Души согласен взять тебя в ученики, какая разница, чего ты хочешь? Пусть мастер сам выбирает.

— Чему вы хотите учиться? Ну же, говорите скорее, — небрежно бросил глава секты.

Изящная и красивая девочка, стоявшая слева, первой сделала шаг вперёд:

— Вэй Лайлай, восемь лет, одиночный золотой корень, хочу учиться мастерству меча.

Затем заговорили братья-близнецы. Тот, что ближе к девочке, сказал:

— Чжао Вэньбинь, девять лет, водно-древесный корень, хочу изучать талисманы.

Второй добавил:

— Чжао Вэнье, девять лет, золотой и земляной корни, хочу учиться укрощению зверей.

Затем выступил мальчик с водно-земляными корнями:

— Меня зовут Цзи Аньчжу, мне десять лет, я хочу заниматься физическим совершенствованием.

Цинь Чжаочжао подумала, что он явно перепутал секту с тренировочной площадкой для строителей. Наконец дошла очередь до неё. Она спокойно представилась:

— Цинь Чжаочжао, от слова чжао — утренняя заря, пять лет, огненно-древесный корень, хочу учиться медицине.

Хе-хе, она давно жалела, что в прошлой жизни не стала врачом, иначе, глядишь, и работу бы не потеряла. В этот раз она непременно ухватится за шанс.

— Я... меня зовут Сунь Цзяси, я... я из прямого рода семьи Сунь, одной из трёх великих семей. У меня водно-земляной корень, я... я хочу изучать создание артефактов... — пробормотал он, украдкой вытирая пот со лба.

Цинь Чжаочжао сохраняла невозмутимый вид, но про себя уже вовсю иронизировала. Вот это да, Сунь Цзяси, у которого вечно всё не по плану, да ещё и из той самой семьи Сунь. Красота, просто красота! Теперь понятно, почему все имена кажутся такими знакомыми.

Неужели это та самая сцена первой встречи второстепенных персонажей? Жаль только, что в романе у неё был трёхстихийный корень, и она с ними была не особо знакома.

Когда все озвучили свои пожелания, мастера начали выбирать. Мастер пика меча Чу Сюмин сразу согласился, и Вэй Лайлай успешно пристроилась. Чжао Вэньбинь и Чжао Вэнье тоже нашли себе наставников — мастера Фу Вэйсяо и Бай Пяожань дали добро. Цзи Аньчжу тоже успешно поступил на пик физического совершенствования. Остались только она и тот самый нервный мальчик.

Яо Уянь ещё не успел открыть рот, как из глубины зала выскочил лохматый старик с бородой, который, не мигая, уставился прямо на неё.

Цинь Чжаочжао на мгновение опешила и застыла, глядя на него в ответ. Так они и стояли, изучая друг друга.

Увидев старика, Яо Уянь помрачнел:

— Дядя-наставник, вы чего здесь забыли?

Внутри него всё похолодело. Неужели? Только появился подходящий ученик, неужели его снова... Не успел он додумать, как старик обратился к ней:

— Хочешь стать моей ученицей?

Цинь Чжаочжао озадаченно почесала затылок. Она не могла разглядеть выражения лица этого странного человека, но в его голосе слышались едва уловимые нотки радости. Она дважды крутнула глазами и спросила:

— Я хочу учиться алхимии. Вы тоже алхимик?

Станный старик дёрнул себя за бороду и кивнул. Цинь Чжаочжао не питала больших ожиданий насчёт наставника, но этот чудаковитый человек вызывал у неё куда больше интереса, чем Яо Уянь. И не из-за того, что Яо назвал его дядей, а потому, что с самого момента его появления она почему-то почувствовала странное воодушевление.

Она подняла голову, улыбнулась ему и без лишнего жеманства ответила:

— Хорошо! Тогда с этого дня вы мой наставник.

Старик радостно воскликнул:

— Юань Хуэй, я забираю свою ученицу! — и мгновенно исчез вместе с Цинь Чжаочжао.

Яо Уянь застыл, словно громом поражённый. Лишь спустя долгое время он обрёл дар речи и проворчал, жалуюсь главе:

— Глава-старший брат, ну посмотри! Едва появился достойный ученик, и того утащили...

Глава секты довольно рассмеялся:

— Наконец-то дядя-наставник хоть кого-то приметил! Советую тебе смириться, это его первый ученик, даже не мечтай...

Яо Уянь бросил на главу обиженный взгляд, хотел что-то сказать, но промолчал. Спорить с тем стариком было бесполезно, да и нельзя. Но почему глава так явно подыгрывает?

Спустя много лет Яо Уянь при каждом удобном случае будет рассказывать, как дядя-наставник увёл у него ученицу, но сейчас он ещё не знал, что ждёт его в будущем.

В зале остался последний одинокий росток — Сунь Цзяси. Мастер пика артефакторов Ци Цзюнь посмотрел на изящного, красногубого мальчика и сказал:

— Сунь Цзяси, хотя у тебя хорошие корни, твой характер и свойства стихий, боюсь, не слишком подходят для создания артефактов.

Сунь Цзяси понуро опустил голову, и вскоре в его глазах заблестели слёзы, достойные героини душещипательной драмы.

Наконец мастер пика Чанлэ Наньгун Сяосяо спросила, не хочет ли он учиться музыке. У Сунь Цзяси не было выбора, и он растерянно кивнул.

На самом деле Наньгун Сяосяо думала: этот плаксивый мальчишка — просто находка, хе-хе, научу его играть Песнь Великой Скорби, это станет настоящим шедевром.

<http://bllate.org/book/19058/1871013>